

Девять жизней поручика Куприна

▲ На талантливый вымысел купился даже Паустовский. «У мальчика началась сиротская жизнь с беспомощной матерью, жизнь без маленьких радостей, с большими обидами и нуждой», — писал он во вступительной статье к купринскому шеститомнику спустя годы.

Признания, которые исследователи сочли автобиографичными, Куприн вложил в уста героя рассказа «Река жизни». Студент, решивший покончить с собой, пишет предсмертное письмо...

Лето 1906-го. Александр Иванович с женой Марией Карловной (урожденной Давыдовой), трехлетней Лидочкой и матерью Любовью Алексеевной живет на даче у профессора Батюшкова. Дело идет к разводу: за четыре года брака Саша и Муся измучили друг друга основательно. Отставной поручик, автор повязанного литературный бонусом «Поедника» изучал жизнь изнутри, сутками пропадал у цыган и шатаясь по кабакам Хитровки. Мария Карловна занималась делами журнала «Мир Божий»: среди ее друзей Горький, Федоров, Ладженский.

«Люба! Бывать среди всякой сволочи, она много занятнее нашего приличного общества!» — дразна он супругу. Говорят, был вспыльчив, задирист, легко заводился. Мог вышибить в поезде окно, если жене и дочке было нечем дышать, а пассажиры не разрешали проветривать. Или шаркать об пол часы, которые только что преподнес Мусе на день рождения, потому что она скривилась — старушечья.

«Шея у него была бычья, грудь и спина — как у грузчика; коренастый, широкоплечий, он легко поднимал за переднюю ножку очень тяжелое старинное кресло», — вспоминал Корней Чуковский.

Поначалу Александр Иванович жену любил и очень ревновал (говорят, в пылу ссоры даже поджигал в ней платье), потом, кажется, потерял интерес. Во всяком случае, на профессорской даче его мыслями владела Лиза Гейнрих, присматривавшая за Лидочкой и помогавшая по хозяйству...

Через пару лет неудачный брак расторгнут, Муся получит права на публикацию всех вышедших на тот момент произведений, Елизавета Морщевна войдет в историю как верная спутница и ангел-хранитель писателя. В канун Пасхи 1908-го родится будущая звезда парижского подиума и сцены Киса Куприна...

Не в пример Марии Карловне, Лиза, подобно Верочке Алмазовой из рассказа «Куст сирени», будет поддерживать мужа во всем. Не станет падать в обморок при виде цыган или пона-расстриги, заявившихся к Куприну на огонек, научится бороться с пьянством не руганью, а искренней любовью, разделит все тяготы эмиграции. Ну а когда «спаршивал белетристика» совсем перестанет кормить, начнет выращивать на продажу укроп, который, как вскоре выяснится, парижане поощряют не употребляют в пищу. В 37-м Елизавета Морщевна вернется с мужем в СССР. Смертельно больной, он поедет на родину, «как лесной зверь, который уходит умирать в свою берлогу». Она — чтобы его похоронить и поглотить в блокадном Ленинграде...

Все это будет потом, а пока на даче Батюшкова всем заправляет «беспомощная женщина» — праправнучка татарских мурз, непревзойденный авторитет Императорского вдовьего дома. Властная и даже воинственная, острая на язык Любовь Алексеевна встала на защиту вечного брака: «железная Муся» под таким напором растерлась, Лиза бежала с поля боя (устроилась сестрой милосердия в инфекционную больницу на окраине Петербурга), Александр засел за «автобиографический» сиротский рассказ...

Наровчат — одни колышки торчат

— Юнкер Александров!
— Я!
— До моего сведения дошло, что вы не только написали, но также и отдали в журнальную печать какое-то там сочинение и читали его вчера вечером некоторым конкретным нашим учителям. Правда ли это?

— Так точно, господин капитан.

— Потрудитесь сейчас же принести мне это произведение вашего искусства.

— Пожалуйста, господин капитан.

— Сейчас же отправляйтесь в карцер на три суток. А журнальщик ваш я разорву на мелкие части и брошу в уличный...

Пока старшеклассники наровчатской средней школы разучивают отрывок из «Юнкеров», в сопровождении директора дома-музея Марии Рожковой прохаживаюсь по залам. Впрочем, «зала» — это громко сказано. Небольшие комнаты: фойе, совмещенная со столовой гостиная, кабинет, «зал писательской славы».

— Обычно к нам заезжают по пути из Тархан. Ждут чего-то не менее грандиозного. Увидев, зачастую разочаровываются: «Ой, а здесь все так просто!» Ну а что, говорю, вы хотите? Там барская усадьба, на которую работала штат прислуги, а тут обыкновенный мещанский дом. Но посмотрите, с какой любовью он обставлен, с каким вкусом...

Самая атмосферная тут, конечно, гостиная: круглый стол с самоваром на жостовском подносе, красивые бархатные портьеры, резной буфет, зеркало с подзеркальником, пианино и скрипка. Родители писателя, чиновник по аптекарскому приказу Иван Иванович Куприн и «татарская княжна» Любовь Алексеевна, урожденная Кулунчакова, развлекали гостей музицированием, от которого вскоре перешли к преферансу. Нынешняя постройка была возведена на старом фундаменте в 1906-м — старый деревянный дом сгорел, а вот некоторые вещи уцелели.

Один из мемориальных экспонатов — икона святого Александра Невского, святой Стефана и святой Марфы, перед которой Любовь Алексеевна молилась о семейном благополучии. Был и другой образ каноинизированного князя. Его заказали по совету старца накануне рождения Сашки — мальчики в семье умирали один за другим, а Иван Иванович мечтал о сыне. Впрочем, вскоре после появления на свет долгожданного продолжателя рода Куприн-старший умер от холеры. Любовь Алексеевна по протекции друга и соседа, председателя низинеломовского уездного дворянства Андрея Николаевича Арапова, пристроила дочерей Зину и Сою в закрытые пансионы. Сама же, пару лет помыкавшись с малолетним ребенком в нищете, отправилась в Москву — в Императорский вдовий дом, находившийся на попечении великокняжеской семьи. Мальчик — вот откуда взялась мизансцена с узелком — поступил в Разумовский сиротский пансион. Оттуда — прямая дорога в кадетский корпус. Иных возможностей устроить судьбу дочерей и карьеру сына у татарской княжны попросту не было.

«Прежде всего, надо осведомить читателей о том, что такое Наровчат, ибо слово это ни в истории, ни в литературе, ни в железнодорожных путеводителях не встречается. — писал Куприн о малой родине в рассказе «Царев гость из Наровчата». — Так вот. Наровчат есть крошечный уездный городишко, никому не известный, ровно ничем не замечательный. Соседние городки, по русской охальной привычке, знают его: «Наровчат, один колышки торчат». И правда, все наровчатские дома и пристройки построены исключительно из дерева, без малейшего намёка на камень. Река Безымянка протекает от города за версту; лето всегда бывает жаркое и сухое, а на-

И. Глазунов. Иллюстрация к повести «Яма» А. Куприна

род — ротовей. Долго ли тут до Божьего попущения? Так и выиграл из года в год славный город, выиграл и опять обстраивался».

Биндюжник и король

Несмотря на то, что «с трехлетнего и до двадцатилетнего возраста» Куприн — москвич, а потом еще киевлянин, одессит, петербуржец и парижанин, единственный его музей находится в Наровчате, местечке, где в сознательном возрасте писатель и не бывал. Хотел как-то заехать по пути из Пензы, да дорогу размыло.

— Это как раз понятно, — продолжает Рожкова, — в ноябре 1919 года с остатками Северо-Западной армии генерала Юденича писатель уехал в Хельсинки, оттуда в Париж. Белый офицер и эмигрант, он не представлял большой ценности для Советской власти. Кроме того, его дом находился в Гатчине, а там во время войны нужно было спастись обстановку дворца...

На одной из музейных стен — увеличенная черно-белая фотография. Александр Иванович, Елизавета Морщевна и маленькая Ксения-Киса. Внушительных размеров кукольный домик, на нем расположился вальяжный пушистый кот. У ног Куприна крупный охотничий пес — сидит, улабается. Этот снимок — из гатчинской жизни начала десятых годов. Вскоре семья откроет в своем доме госпиталь, хозяйка будет ухаживать за ранеными, девочки — Ксения и Лида — помогать. К писателю, тогда уже знаменитому на весь мир (в 1910-м вышел «Гранатовый браслет»), потянулись репортеры. Дочки в костюмах сестер милосердия были предметом особой отцовской гордости: совсем малышки, а не боится крови, криков.

«К нам привозили солдат с несерьезными ранениями, — напишет в воспоминаниях Ксения Куприна, — мне сидел костюм сестры милосердия, и мама, вспоминая молодость, тоже надела форму. Я помогала по мере сил, рассказывала солдатам сказки, играла с ними в шашки».

В ноябре 1914-го в армию призывают и самого Куприна. К 44-летнему поручику, казалось бы, вернулась юность. С горящими глазами он вновь облачается в военную форму, крепит к тулье фуражки

ополченческой крест и следует к месту назначения, в Финляндию. Со свойственным ему азартом берется за дело. Преподаст ополченцам устройство винтовки Бердана, осваивает распылительной строй и движение короткими перебежками.

«Его положительно... обожают солдаты за простое доверчивое к ним отношение, за внимание к личным особенностям каждого подчиненного, за исключительную отзывчивость и заботу, а также за живой и мягкой характер», — писал корреспондент «Русской иллюстрации» в 1915 году. «Исполнение обязанностей строевого офицера давалось Куприну нелегко, — добавляла Ксения Александровна. — «В строю ходить с солдатами еще могу, но делать «перебежки» — невозможно... Задохнулся. Да и нервы сильно стали пошаливать...»

Комиссованный по болезни сердца, на этот раз он об армии жалеет: «В строю ходить с солдатами еще могу, но делать «перебежки» — невозможно... Задохнулся. Да и нервы сильно стали пошаливать...» Куприн гордился службой в Белой армии, в эмиграции, как дорогую реликвию, хранил полевые погоны поручика и трехцветный угол на рукав, сшитый Елизаветой Морщевной.

...Экскурсия подходит к концу. Бросая взгляд на молодого выпускника военного училища. Настоящий подпоручик Ромашов, только в смешном пенсне: добрый, простодушный, мечтательный. На момент создания «Поедника» в армии Куприн уже не служил. В 24 года вышел в отставку в звании поручика, зачем-то подлая в Киев. Как и герой его «Ямы» Сергей Платонов, работал «токарем, наборщи-

ком, сеял и продавал табак, мажорку-серебрянку, плавал кочегаром по Азовскому морю, рыбачил на Черном, грузил арбузы и керпичи на Днепре, ездил с цирком, был актером — всего и не упомяну». Писателя, как и его персонажа, гнала не нужда. Скорее, безмерная жадность к жизни и нестерпимое любопытство: «Ей-богу, я хотел бы на несколько дней сделаться лошадию, растением или рыбой; хотел бы пожить внутренней жизнью и посмотреть на мир глазами каждого человека, которого встречал».

Он мечтал иметь девять жизней, как у горячо любимых им кошек, — этих животных писатель всюду возил с собой. Даже возвращаясь умирать на родину, попросил только об одном — взять Ю-ю. Кошку забрать разрешили, а библиотеку — нет. Куприн не расстроился. «Надменный взгляд — и прыжок в сторону. Она горда! Она никогда не забывает, что в ее жилах течет голубая кровь от двух ветвей: великой сибирской и державной бухарской...» Нас она милостиво принимает. Я любила исполнять ее приказания. Вот, например, работай над парником, вдумчиво отшпиывая удачи лишние побеги, — здесь нужен большой расчет. Беззвучно подходит Ю-ю. «Мурь!» Это значит: «Идите, я хочу пить». Разгибается с трудом. Ю-ю уже вперед. «> Учиво отворило я переднюю все двери...»

Голубой кровью татарских мурз югилась и экстравагантный Александр Иванович: и когда, молодым офицером, не слезая с седла выезжал в ресторан, отсекая драгунской шашкой горластые бутылки шампанского, и когда свистал по всей России — грузин, в стоптанных ботинках, потерявшей цвет шашке и выдвигшем вилкам пальто... Он был любознателен ко всему происходящему и горд, как и сидящая в его корзине кошка...

Дом-музей Александра Куприна в Наровчате